

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Алексей Николаевич Толстой

Золотой ключик, или приключения Буратино

продолжение

Вошел длинный, мокрый–мокрый человек с маленьким–маленьким лицом, таким сморщенным, как гриб–сморчок. На нем было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, крючки и шпильки. В руках он держал жестяную банку и сачок.

– Если у вас болит живот, – сказал он, кланяясь, будто спина у него была сломана посредине, – если у вас сильная головная боль или стучит в ушах, я могу вам приставить за уши полдюжины превосходных пиваков.

Синьор Карабас Барабас проворчал:

– К черту–дьяволу, никаких пиваков! Можете сушиться у огня сколько влезет.

Дуремар стал спиной к очагу. Сейчас же от его зеленого пальто пошел пар и запахло тиной.

– Плохо идет торговля пиваками, – сказал он опять. – За кусок холодной свинины и стакан вина я готов вам приставить к ляжке дюжину прекраснейших пиваочек, если у вас ломотья в костях...

– К черту–дьяволу, никаких пиваков! – закричал Карабас Барабас. – Ешьте свинину и пейте вино.

Дуремар начал есть свинину, лицо у него сжималось и растягивалось, как резиновое. Поев и выпив, он попросил щепотку табаку.

– Синьор, я сыт и согрет, – сказал он. – Чтобы отплатить за ваше гостеприимство, я вам открою тайну.

Синьор Карабас Барабас посопел трубкой и ответил:

– Есть только одна тайна на свете, которую я хочу знать. На все остальное я плевал и чихал.

– Синьор, – опять сказал Дуремар, – я знаю великую тайну, ее сообщила мне черепаха Тортила.

При этих словах Карабас Барабас выпучил глаза, вскочил, запутался в бороде, полетел прямо на испуганного Дуремара, прижал его к животу и заревел, как бык:

– Любезнейший Дуремар, драгоценнейший Дуремар, говори, говори скорее, что тебе сообщила черепаха Тортила!

Тогда Дуремар рассказал ему следующую историю: "Я ловил пиваков в одном грязном пруду около Города Дураков. За четыре сольдо в день я нанимал одного бедного человека, – он раздевался, заходил в пруд по шею и стоял там, покуда к его голому телу не присасывались пиваки. Тогда он выходил на берег, я собирал с него пиваков и опять посылал его в пруд. Когда мы выловили таким образом достаточное количество, из воды вдруг показалась змеиная голова.

– Послушай, Дуремар, – сказала голова, – ты перепугал все население нашего прекрасного пруда, ты мутишь воду, ты не даешь мне спокойно отдыхать после завтрака... Когда кончится это безобразие?..

Я увидел, что это обыкновенная черепаха, и, нисколько не боясь, ответил:

– Покуда не выловлю всех пиваков в вашей грязной луже...

– Я готова откупиться от тебя, Дуремар, чтобы ты оставил в покое наш пруд и больше никогда не приходил.

Тогда я стал издеваться над черепахой:

– Ах ты, старый плавающий чемодан, глупая тетка Тортила, чем ты можешь от меня откупиться? Разве своей костяной крышкой, куда прячешь лапы и голову... Я бы продал твою крышку на гребешки...

Черепаха позеленела от злости и сказала мне:

– На дне пруда лежит волшебный ключик... Я знаю одного человека, – он готов сделать все на свете, чтобы получить этот ключик..."

Не успел Дуремар произнести эти слова, как Карабас Барабас завопил что есть мочи:

– Этот человек – я! я! я! Любезнейший Дуремар, так отчего же ты не взял у Черепахи ключик?

– Вот еще! – ответил Дуремар и собрал морщинами все лицо, так что оно стало похоже на вареный сморчок. – Вот еще! – променять превосходнейших пиваков на какой–то ключик... Короче говоря, мы разругались с черепахой, и она, подняв из воды лапу, сказала:

– Клянусь – ни ты и никто другой не получают волшебного ключика. Клянусь – его получит только тот человек, кто заставит все население пруда просить меня об этом...

С поднятой лапой черепаха погрузилась в воду.

– Не теряя секунды, бежать в Страну Дураков! – закричал Карабас Барабас, торопливо засовывая конец бороды в карман, хватая шапку и фонарь. – Я сяду на берег пруда. Я буду умильно улыбаться. Я буду умолять лягушек, головастика, водяных жуков, чтобы они просили черепаху... Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил. Я стану на колени перед самым маленьким лягушонком... Ключик должен быть у меня! Я пойду в город, я войду в один дом, я проникну в комнату под лестницей... Я отыщу маленькую дверцу, – мимо нее все ходят, и никто не замечает ее. Всуну ключик в замочную скважину...

– В это время, понимаешь, Буратино, – рассказывал Пьеро, сидя под мимозой на прелых листьях, – мне так стало интересно, что я весь высунулся из–за занавески. Синьор Карабас Барабас увидел меня.

– Ты подслушиваешь, негодяй! – И он кинулся, чтобы схватить меня и бросить в огонь, но опять запутался в бороде и со страшным грохотом, опрокидывая стулья, растянулся на полу.

Не помню, как я очутился за окном, как перелез через изгородь. В темноте шумел ветер и хлестал дождь.

Над моей головой черная туча осветилась молнией, и в десяти шагах позади я увидел бегущих Карабаса Барабаса и продавца пиваков... Я подумал: "Погиб", споткнулся, упал на что–то мягкое и теплое, схватился за чьи–то уши...

Это был серый заяц. Он со страху заверещал, высоко подскочил, но я крепко держал его за уши, и мы поскакали в темноте через поля, виноградники, огороды.

Когда заяц уставал и садился, обиженно жуя раздвоенной губой, я целовал его в лобик.

– Ну пожалуйста, ну еще немножко поскачем, серенький...

Заяц вздыхал, и опять мы мчались неизвестно куда–то вправо, то влево...

Когда тучи разнесло и взошла луна, я увидел под горой городишко с покосившимися в разные стороны колокольнями.

По дороге к городу бежали Карабас Барабас и продавец пиваков.

Заяц сказал:

– Эхе–хе, вот оно, заячье счастье! Они идут в Город Дураков, чтобы нанять полицейских собак. Готово, мы пропали!

Заяц упал духом. Уткнулся носом в лапки и повесил уши.

Я просил, я плакал, я даже кланялся ему в ноги. Заяц не шевелился.

Но когда из города выскочили галопом два курносых бульдога с черными повязками на правых лапах, заяц мелко задрожал всей кожей, – я едва успел вскочить на него верхом, и он дал отчаянного стрекача по лесу... Остальное ты сам видел, Буратино.

Пьеро окончил рассказ, и Буратино спросил его осторожно:

– А в каком доме, в какой комнате под лестницей находится дверца, которую отпирает ключик?

– Карабас Барабас не успел рассказать об этом... Ах, не все ли нам равно, – ключик на дне озера... Мы никогда не увидим счастья...

– А это ты видел? – крикнул ему в ухо Буратино. И, вытащив из кармана ключик, повертел им перед носом Пьеро. – Вот он!

Буратино и Пьеро приходят к Мальвине, но им сейчас же приходится бежать вместе с Мальвиной и пуделем Артемоном

Когда солнце поднялось над скалистой горной вершиной, Буратино и Пьеро вылезли из–под куста и побежали через поле, по которому вчера ночью летучая мышь увела Буратино из дома девочки с голубыми волосами в Страну Дураков.

На Пьеро смешно было смотреть, – так он спешил поскорее увидеть Мальвину.

– Послушай, – спрашивал он через каждые пятнадцать секунд, – Буратино, а что, она мне обрадуется?

– А я почему знаю...

Через пятнадцать секунд опять:

– Послушай, Буратино, а вдруг она не обрадуется?

– А я почему знаю...

Наконец они увидели белый домик с нарисованными на ставнях солнцем, луной и звездами. Из трубы поднимался дымок. Выше его плыло небольшое облако, похожее на кошачью голову.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пудель Артемон сидел на крыльце и время от времени рычал на это облако.

Буратино не очень хотелось возвращаться к девочке с голубыми волосами. Но он был голоден и еще издалека потянул носом запах кипяченого молока.

– Если девочка опять надумает нас воспитывать, напьемся молока, – и нипочем я здесь не останусь.

В это время Мальвина вышла из домика. В одной руке она держала фарфоровый кофейник, в другой – корзиночку с печеньем.

Глаза у нее все еще были заплаканные, – она была уверена, что крысы утащили Буратино из чулана и съели.

Только она уселась за кукольный стол на песчаной дорожке, – лазоревые цветы заколебались, бабочки поднялись над ними, как белые и желтые листья, и появились Буратино и Пьеро.

Мальвина так широко раскрыла глаза, что оба деревянных мальчика могли бы свободно туда прыгнуть.

Пьеро при виде Мальвины начал бормотать слова – столь бессвязные и глупые, что мы их здесь не приводим.

Буратино сказал как ни в чем не бывало:

– Вот я его привел, – воспитывайте...

Мальвина наконец поняла, что это не сон.

– Ах, какое счастье! – прошептала она, но сейчас же прибавила взрослым голосом: – Мальчики, ступайте немедленно мыться и чистить зубы. Артемон, проводи мальчиков к колодцу.

– Ты видел, – проворчал Буратино, – у нее бзик в голове – мыться, чистить зубы! Кого угодно со света сживет чистотой...

Все же они помылись. Артемон кисточкой на конце хвоста почистил им курточки...

Сели за стол. Буратино набивал еду за обе щеки. Пьеро даже не надкусил ни кусочка пирожного; он глядел на Мальвину так, будто она была сделана из миндального теста. Ей это наконец надоело.

– Ну, – сказала она ему, – что вы такое увидели у меня на лице? Завтракайте, пожалуйста, спокойно.

– Мальвина, – ответил Пьеро, – я давно уже ничего не ем, я сочиняю стихи...

Буратино затрясся от смеха.

Мальвина удивилась и опять широко раскрыла глаза.

– В таком случае – почитайте ваши стишки.

Хорошенькой рукой она подперла щеку и подняла хорошенькие глаза к облаку, похожему на кошачью голову.

Пьеро начал читать стишки с таким завываньем, будто он сидел на дне глубокого колодца:

<i>Мальвина бежала в чужие края,

Мальвина пропала, невеста моя...

Рыдаю, не знаю – куда мне деваться...

Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?</i>

Не успел Пьеро прочитать, не успела Мальвина похвалить стишки, которые ей очень понравились, как на песчаной дорожке появилась жаба.

Страшно выпучив глаза, она проговорила:

– Сегодня ночью выжившая из ума черепаха Тортила рассказала Карабасу Барабасу все про золотой ключик...

Мальвина испуганно вскрикнула, хотя ничего не поняла. Пьеро, рассеянный, как все поэты, произнес несколько бестолковых восклицаний, которые мы здесь не приводим. Зато Буратино сразу вскочил и начал засовывать в карманы печенье, сахар и конфеты.

– Бежим как можно скорее. Если полицейские собаки приведут сюда Карабаса Барабаса – мы погибли.

Мальвина побледнела, как крыло белой бабочки. Пьеро, подумав, что она умирает, опрокинул на нее кофейник, и хорошенькое платье

Мальвины оказалось залитым какао.

Подскочивший с громким лаем Артемон, – а ему-то приходилось стирать Мальвинины платья, – схватил Пьеро за шиворот и начал трясти, покуда Пьеро не проговорил, заикаясь:

– Довольно, пожалуйста...

Жаба глядела выпученными глазами на эту суету и опять сказала:

– Карабас Барабас с полицейскими собаками будет здесь через четверть часа.

Мальвина побежала переодеваться. Пьеро отчаянно заламывал руки и пробовал даже бросаться навзничь на песчаную дорожку.

Артемон тащил узлы с домашними вещами. Двери хлопали. Воробьи отчаянно тараторили на кусте. Ласточки проносились над самой землей. Сова для увеличения паники дико захохотала на чердаке.

Один Буратино не растерялся. Он навьючил на Артемона два узла с самыми необходимыми вещами. На узлы посадили Мальвину, одетую в хорошенькое дорожное платье. Пьеро он велел держаться за собачий хвост. Сам стал впереди:

– Никакой паники! Бежим!

Когда они, – то есть Буратино, мужественно шагающий впереди собаки, Мальвина, подпрыгивающая на узлах, и позади Пьеро, начиненный вместо здравого смысла глупыми стихами, – когда они вышли из густой травы на гладкое поле, – из леса высунулась всклокоченная, борода Карабаса Барабаса. Он ладонью защитил глаза от солнца и оглядывал окрестность.

Страшный бой на опушке леса

Синьор Карабас держал на привязи двух полицейских собак. Увидев на ровном поле беглецов, он разинул зубастый рот.

– Ага! – закричал он и спустил собак.

Свирепые псы сначала стали кидать задними лапами землю. Они даже не рычали, они даже глядели в другую сторону, а не на беглецов, – так гордились своей силой. Потом псы медленно пошли к тому месту, где в ужасе остановились Буратино, Артемон, Пьеро и Мальвина.

Казалось, все погибло. Карабас Барабас косолапо шел вслед за полицейскими псами. Борода его поминутно вылезала из кармана куртки и путалась под ногами.

Артемон поджал хвост и злобно рычал. Мальвина трясла руками:

– Боюсь, боюсь!

Пьеро опустил рукава и глядел на Мальвину, уверенный, что все кончено.

Первым опомнился Буратино.

– Пьеро, – закричал он, – бери за руку девочку, бегите к озеру, где лебеди!.. Артемон, скидывай тюки, снимай часы, – будешь драться!..

Мальвина, едва только услышала это мужественное распоряжение, соскочила с Артемона и, подобрав платье, побежала к озеру. Пьеро – за ней.

Артемон сбросил тюки, снял с лапы часы и бант с кончика хвоста. Оскалил белые зубы и прыгнул влево, прыгнул вправо, расправляя мускулы, и тоже стал с отяжкой кидать задними ногами землю.

Буратино взобрался по смолистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на поле, и оттуда закричал, завыл, запищал во всю глотку:

– Звери, птицы, насекомые! наших бьют! Спасайте ни в чем не виноватых деревянных человечков!..

Полицейские бульдоги будто бы только сейчас увидели Артемона и разом кинулись на него. Ловкий пудель увернулся и зубами тяпнул одного пса за огрызок хвоста, другого за ляжку.

Бульдоги неуклюже повернулись и снова кинулись на пуделя. Он высоко подскочил, пропустив их под собой, и опять успел ободрать одному бок, другому – спину.

В третий раз бросились на него бульдоги. Тогда Артемон, опустив хвост по траве, помчался кругами по полю, то подпуская близко полицейских псов, то кидаясь в сторону перед самым их носом...

Курносые бульдоги теперь по-настоящему обозлились, засопели, бежали за Артемоном не спеша, упрямо, готовые лучше сдохнуть, но добраться до горла суетливого пуделя.

Тем временем Карабас Барабас подошел к итальянской сосне, схватил за ствол и начал трясти:

– Слезай, слезай!

Буратино руками, ногами, зубами уцепился за ветку. Карабас Барабас затряс дерево так, что закачались все шишки на ветвях.

На итальянской сосне шишки – колючие и тяжелые, величиной с небольшую дыню. Наладить такой шишкой по голове – так ой–ой!

Буратино едва держался на качающейся ветке. Он видел, что Артемон уже высунул язык красной тряпкой и скачет все медленнее.

– Отдавай ключик! – заорал Карабас Барабас, разинув пасть.

Буратино пополз по ветке, добрался до здоровенной шишки и начал перекусывать стебель, на котором она висела. Карабас Барабас тряхнул сильнее, и тяжелая шишка полетела вниз, – бах! – прямо ему в зубастую пасть.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Карабас Барабас даже присел.

Буратино отодрал вторую шишку, и она – бах! – Карабасу Барабасу прямо в темя, как в барабан.

– Наших быют! – опять закричал Буратино. – На помощь ни в чем не виноватым деревянным человечкам!

Первыми на помощь прилетели стрижи, – бреющим полетом начали стричь воздух перед носом у бульдогов.

Псы напрасно щелкали зубами, – стриж не муха: как серая молния – ж–жик мимо носа!

Из облака, похожего на кошачью голову, упал черный коршун – тот, что обыкновенно приносил Мальвине дичь; он вонзил когти в спину полицейской собаки, взмыл на великолепных крыльях, поднял пса и выпустил его...

Пес, визжа, шлепнулся кверху лапами.

Артемон сбоку налетел на другого пса, ударил его грудью, повалил, укусил, отскочил...

И опять помчались по полю вокруг одинокой сосны Артемон и за ним помятые и покусанные полицейские псы.

На помощь Артемону шли жабы. Они тащили двух ужей, ослепших от старости. Ужам все равно нужно было помирать – либо под гнилым пнем, либо в желудке у цапли. Жабы уговорили их погибнуть геройской смертью.

Благородный Артемон решил теперь вступить в открытый бой. Сел на хвост, оскалил клыки.

Бульдоги налетели на него, и все втроем покатались клубком.

Артемон щелкал челюстями, драл когтями. Бульдоги, не обращая внимания на укусы и царапины, ждали одного: добраться до Артемонова горла – мертвой хваткой. Визг и вой стояли по всему полю.

На помощь Артемону шло семейство ежей: сам еж, ежиха, ежова теща, две ежовы незамужние тетки и маленькие еженята.

Летели, гудели толстые черно–бархатные шмели в золотых плащах, шипели крыльями свирепые шершни. Ползли жужелицы и кусачие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно накинулись на ненавистных полицейских собак.

Еж, ежиха, ежова теща, две ежовы незамужние тетки и маленькие еженята сворачивались клубком и со скоростью крокетного шара ударяли иголками бульдогов в морду.

Шмели, шершни с налета жалили их отравленными жалами.

Серьезные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту.

Жужелицы и жуки кусали за пупок череп.

Бабочки и мухи плотным облачком толклись перед их глазами, застилая свет.

Жабы держали наготове двух ужей, готовых умереть геройской смертью.

И вот, когда один из бульдогов широко разинул пасть, чтобы вычихнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой уж бросился головой вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод. То же случилось и с другим бульдогом: второй слепой уж кинулся ему в пасть. Оба пса, исколотые, изжаланые, исцарапанные, задыхаясь, начали беспомощно кататься по земле. Благородный Артемон вышел из боя победителем.

Тем временем Карабас Барабас вытащил наконец из огромного рта колючую шишку.

От удара по темени у него выпучились глаза. Пошатываясь, он опять схватился за ствол итальянской сосны. Ветер развеивал его бороду.

Буратино заметил, сидя на самой верхушке, что конец бороды Карабаса Барабаса, приподнятой ветром, приклеился к смолистому стволу.

Буратино повис на суку и, дразнясь, запищал:

– Дяденька, не догонишь, дяденька, не догонишь!..

Спрыгнул на землю и начал бегать кругом сосны.

Карабас–Барабас, протянув руки, чтобы схватить мальчишку, побежал за ним, пошатываясь, кругом дерева. Обежал раз, вот–вот уж, кажется, и схватил скрюченным пальцами удирающего мальчишку, обежал другой, обежав в третий раз... Борода его обматывалась вокруг ствола, плотно приклеивалась к смоле.

Когда борода окончилась и Карабас Барабас уперся носом в дерево, Буратино показал ему длинный язык и побежал к Лебединому озеру – искать Мальвину и Пьеро. Потрепанный Артемон на трех лапах, поджав четвертую, ковылял за ним хромой собачьей рысью.

На поле остались два полицейских пса, за жизнь которых, по–видимому, нельзя было дать и дохлой сухой мухи, и растерянный доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас, плотно приклеенный бородой к итальянской сосне.

В пещере

Мальвина и Пьеро сидели на сырой теплой кочке в камышах.

Сверху их прикрывала паутиновая сеть, замусоренная стрекозиными крыльями и высосанными комарами.

Маленькие голубые птички, перелетая с камышины на камышину, с веселым изумлением поглядывали на горько плачущую девочку.

Издалека доносились отчаянные вопли и визг, – это Артемон и Буратино, очевидно, дорого продавали свою жизнь.

– Боюсь, боюсь! – повторяла Мальвина и листочком лопуха в отчаянии закрывала мокрое лицо.

Пьеро пытался утешать ее стихами:

<i>Мы сидим на кочке, –
Желтые, приятные,
Очень ароматные.
Будем жить все лето
Мы на кочке этой,
Ах, – в уединении,
Всем на удивление...</i>

Мальвина затопала на него ногами:

– Вы мне надоели, надоели, мальчик! Сорвите свежий лопух, – видите же – этот весь промок и в дырках.

Внезапно шум и визг вдали затихли. Мальвина всплеснула руками:

– Артемон и Буратино погибли...

И бросилась лицом на кочку, в зеленый мох.

Пьеро бестолково затоптался около нее. Ветер тихо посвистывал метелками камыша. Наконец слышались шаги.

Несомненно, это шел Карабас Барабас, чтобы грубо схватить и засунуть в свои бездонные карманы Мальвину и Пьеро. Камыш раздвинулся, – и появился Буратино: нос торчком, рот до ушей.

За ним прихрамывал ободранный Артемон, навьюченный двумя тюками...

– Тоже – захотели со мной драться! – сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. – Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас Барабас – тьфу! Девчонка, полезай на собаку, мальчишка, держись за хвост. Пошли...

И он мужественно зашагал по кочкам, локтями раздвигая камыш, – кругом озера на ту сторону...

Мальвина и Пьеро не смели даже спросить его, чем кончился бой с полицейскими собаками и почему их не преследует Карабас Барабас.

Когда добрались до того берега озера, благородный Артемон начал скулить и хромать на все лапы. Надо было сделать привал, чтобы перевязать ему раны. Под огромными корнями сосны, растущей на каменистом пригорке, увидели пещеру. Туда втащили тюки, и туда же вполз Артемон. Благородная собака сначала облизывала каждую лапу, потом протягивала ее Мальвине. Буратино рвал Мальвинину старую рубашку на бинты, Пьеро их держал, Мальвина перевязывала лапы.

После перевязки Артемону поставили градусник, и собака спокойно заснула.

Буратино сказал:

– Пьеро, катись к озеру, принеси воды.

Пьеро послушно поплелся, бормоча стихи и спотыкаясь, по дороге потерял крышку, едва принес воды на дне чайника.

Буратино сказал:

– Мальвина, слетай–ка, набери веток для костра.

Мальвина с укоризной взглянула на Буратино, пожала плечиком – и принесла несколько сухих стебельков.

Буратино сказал:

– Вот наказание с этими, хорошо воспитанными...

Сам принес воды, сам набрал веток и сосновых шишек, сам развел у входа в пещеру костер, такой шумный, что закачались ветви на высокой сосне... Сам сварил какао на воде.

– Живо! Садись завтракать...

Мальвина все это время молчала, поджав губы. Но теперь она сказала очень твердо, взрослым голосом:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Не думайте, Буратино, что если вы дрались с собаками и победили, спасли нас от Карабаса Барабаса и в дальнейшем вели себя мужественно, то вас это избавляет от необходимости мыть руки и чистить зубы перед едой...

Буратино так и сел: – вот тебе раз! – выпучил глаза на девчонку с железным характером.

Мальвина вышла из пещеры и хлопнула в ладоши:

– Бабочки, гусеницы, жуки, жабы...

Не прошло минуты – прилетели большие бабочки, испачканные цветочной пылью. Приползли гусеницы и угрюмые навозные жуки. На животах приклепали жабы...

Бабочки, вздыхая крыльями, сели на стены пещеры, чтобы внутри было красиво и обсыпавшаяся земля не попадала в кушанье.

Навозные жуки скатывали в шарики весь мусор на полу пещеры и выкидывали их прочь.

Жирная белая гусеница вползла на голову Буратино и, свесившись с его носа, выдавила немного пасты ему на зубы. Хочешь не хочешь, пришлось их почистить.

Другая гусеница почистила зубы Пьеро.

Появился заспанный барсук, похожий на мохнатого поросенка...

Он брал лапой коричневых гусениц, выдавливал из них коричневую пасту на обувь и хвостом отлично вычистил все три пары башмаков – у Мальвины, Буратино и Пьеро. Почистив, зевнул:

– А-ха-ха, – и ушел вперевалку.

Влетел суетливый, пестрый, веселый удод с красным хохолком, который вставал дыбом, когда он чему-нибудь удивлялся.

– Кого причесать?

– Меня, – сказала Мальвина. – Завейте и причешите, я растрепана...

– А где же зеркало? Послушайте, душечка...

Тогда пучеглазые жабы сказали:

– Мы принесем...

Десять жаб зашлепали животами к озеру. Вместо зеркала они приволокли зеркального карпа, такого жирного и сонного, что ему было все равно, куда его тащат под плавники.

Карпа поставили на хвост перед Мальвиной. Чтобы он не задыхался, ему в рот лили из чайника воду. Суетливый удод завил и причесал Мальвину. Осторожно взял со стены одну из бабочек и припудрил ею девчонкин нос.

– Готово, душечка...

И-ффрр! – пестрым клубком вылетел из пещеры.

Жабы утащили зеркального карпа обратно в озеро. Буратино и Пьеро – хочешь не хочешь – вымыли руки и даже шею. Мальвина разрешила сесть завтракать.

После завтрака, смахнув крошки с колен, она сказала:

– Буратино, мой друг, в прошлый раз мы с вами остановились на диктанте. Продолжим урок...

Буратино захотелось выскочить из пещеры – куда глаза глядят. Но нельзя же было бросить беспомощных товарищей и больную собаку! Он проворчал:

– Письменных принадлежностей не взяли...

– Неправда, взяли, – простонал Артемон. Дополз до узла, зубами развязал его и вытащил пузырек с чернилами, пенал, тетрадь и даже маленький глобус.

– Не держите вставку судорожно и слишком близко к перу, иначе вы испачкаете пальцы в чернилах, – сказала Мальвина.

Подняла хорошенькие глаза к потолку пещеры на бабочек и...

В это время послышался хруст веток, грубые голоса, – мимо пещеры прошли продавец лечебных пиявок Дуремар и волочащий ноги Карабас Барабас.

На лбу у директора кукольного театра багровела огромная шишка, нос распух, борода – в клочьях и вымазана в смоле.

Охая и отплевываясь, он говорил:

– Они далеко не могли убежать. Они где-нибудь здесь, в лесу.

Несмотря ни на что, Буратино решает выведать у Карабаса Барабаса тайну золотого ключика

Карабас Барабас и Дуремар медленно прошли мимо пещеры.

Во время боя на равнине продавец лечебных пиявок в страхе сидел за кустом. Когда все кончилось, он подождал, покуда Артемон и Буратино не скроются в густой траве, и тогда только с большими трудностями отодрал от ствола итальянской сосны бороду Карабаса Барабаса.

– Ну и отделал же вас мальчишка! – сказал Дуремар. – Придется вам приставить к затылку две дюжины самых лучших пиявок...

Карабас Барабас заревел:

– Сто тысяч чертей! Живо в погоню за негодяями!..

Карабас Барабас и Дуремар пошли по следам беглецов. Они раздвигали руками траву, осматривали каждый куст, обшаривали каждую кочку.

Они видели дымок костра у корней старой сосны, но им и в голову не пришло, что в этой пещере скрывались деревянные человечки да еще зажгли костер.

– Этого негодяя Буратино разрежу перочинным ножом на кусочки! – ворчал Карабас Барабас.

Беглецы притаились в пещере.

Что теперь делать? Бежать? Но Артемон, весь забинтованный, крепко спал. Пес должен был спать двадцать четыре часа, чтобы зажили раны. Неужели же бросить благородную собаку одну в пещере? Нет, нет, спастись – так всем вместе, погибать – так всем вместе...

Буратино, Пьеро и Мальвина в глубине пещеры, уткнувшись носами, долго совещались. Решили: прождать здесь до утра, вход в пещеру замаскировать ветками и для скорейшего выздоровления Артемону сделать питательную клизму. Буратино сказал:

– Я все-таки хочу во что бы то ни стало узнать у Карабаса Барабаса, где эта дверца, которую открывает золотой ключик. За дверцей хранится что-нибудь замечательное, удивительное... И оно должно принести нам счастье.

– Боюсь без вас оставаться, боюсь, – простонала Мальвина.

– А Пьеро вам на что?

– Ах, он только читает стишки...

– Я буду защищать Мальвину, как лев, – проговорил Пьеро хриплым голосом, каким разговаривают крупные хищники, – вы меня еще не знаете...

– Молодчина Пьеро, давно бы так!

И Буратино пустился бежать по следам Карабаса Барабаса и Дуремара.

Он их вскоре увидел. Директор кукольного театра сидел на берегу ручья, Дуремар ставил ему на шишку компресс из листьев конского щавеля. Издалека было слышно свирепое урчанье в пустом желудке у Карабаса Барабаса и скучное попискивание в пустом желудке у продавца лечебных пиявок.

– Синьор, нам необходимо подкрепиться, – говорил Дуремар, – поиски негодяев могут затянуться до глубокой ночи.

– Я бы съел сейчас целого поросеночка да парочку уток, – мрачно ответил Карабас Барабас.

Приятели побрели к харчевне "Трех пескарей" – ее вывеска виднелась на пригорке. Но скорее, чем Карабас Барабас и Дуремар, припустился туда Буратино, пригибаясь к траве, чтобы его не заметили.

Около дверей харчевни Буратино подкрался к большому петуху, который, найдя зернышко или кусочек цыплячьей кишки, гордо встряхивал красным гребешком, шаркал когтями и с тревогой звал кур на угощенье:

– Ко-ко-ко!

Буратино протянул ему на ладони крошки миндального пирожного:

– Угощайтесь, синьор главнокомандующий.

Петух строго взглянул на деревянного мальчишку, но не удержался и клюнул его в ладонь.

– Ко-ко-ко!..

– Синьор главнокомандующий, мне нужно бы пройти в харчевню, но так, чтобы хозяин меня не заметил. Я спрячусь за ваш великолепный разноцветный хвост, и вы доведете меня до самого очага. Ладно?

– Ко-ко! – еще более гордо произнес петух.

Он ничего не понял, но, чтобы не показать, что ничего не понял, важно пошел к открытой двери харчевни. Буратино схватил его под

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

крылья за бока, прикрылся его хвостом и на короточках пробрался на кухню, к самому очагу, где сутился плешивый хозяин харчевни, крутя на огне вертела и сковороды.

– Пошел прочь, старое бульонное мясо! – крикнул на петуха хозяин и так поддал ногой, что петух – ку–дах–тах–тах! – с отчаянным криком вылетел на улицу к перепуганным курам.

Буратино, незамеченный, шмыгнул мимо ног хозяина и присел за большим глиняным кувшином.

В это время слышались голоса Карабаса Барабаса и Дуремара.

Хозяин, низко кланяясь, вышел им навстречу.

Буратино влез внутрь глиняного кувшина и там притаился.

Буратино узнает тайну золотого ключика

Карабас Барабас и Дуремар подкреплялись жареным поросеночком. Хозяин подливал вина в стаканы.

Карабас Барабас, обсасывая поросячью ногу, сказал хозяину:

– Дрянь у тебя вино, налей–ка мне вон из того кувшина! – И указал костью на кувшин, где сидел Буратино.

– Синьор, этот кувшин пуст, – ответил хозяин.

– Врешь, покажи.

Тогда хозяин поднял кувшин и перевернул его. Буратино изо всей силы уперся локтями в бока кувшина, чтобы не вывалиться.

– Там что–то чернеется, – прохрипел Карабас Барабас.

– Там что–то белеется, – подтвердил Дуремар.

– Синьоры, чирей мне на язык, прострел мне в поясницу – кувшин пуст!

– В таком случае, ставь его на стол – мы будем кидать туда кости.

Кувшин, где сидел Буратино, поставили между директором кукольного театра и продавцом лечебных пиявок. На голову Буратино посыпались обглоданные кости и корки.

Карабас Барабас, выпив много вина, протянул к огню очага бороду, чтобы с нее капала налипшая смола.

– Положу Буратино на ладонь, – хвастливо говорил он, – другой ладонью прихлопну, – мокрое место от него останется.

– Негодяй вполне этого заслуживает, – подтверждал Дуремар, – но сначала к нему хорошо бы приставить пиявок, чтобы они высосали всю кровь...

– Нет! – стучал кулаком Карабас Барабас. – Сначала я отниму у него золотой ключик...

В разговор вмешался хозяин, – он уже знал про бегство деревянных человечков.

– Синьор, вам нечего утомлять себя поисками. Сейчас я позову двух расторопных ребят, – покуда вы подкрепляетесь вином, они живо обыщут весь лес и притащат сюда Буратино.

– Ладно. Посылай ребят, – сказал Карабас Барабас, подставляя к огню огромные подошвы. И так как он был уже пьян, то во всю глотку запел песню:

<i>Мой народец странный,
Глупый, деревянный.
Кукольный владыка,
Вот кто я, поди–ка...
Грозный Карабас,
Славный Барабас...
Куклы предо мною
Стелются травюю.
Будь ты хоть красotka –
У меня есть плетка,
Плетка в семь хвостов,
Плетка в семь хвостов.
Погрожу лишь плеткой –
Мой народец кроткий
Песни распевает,
Денежки собирает
В мой большой карман,
В мой большой карман...</i>

Тогда Буратино завывающим голосом проговорил из глубины кувшина:

– Открой тайну, несчастный, открой тайну!..

Карабас Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и выпучился на Дуремара.

– Это ты?

– Нет, это не я...

– Кто же сказал, чтобы я открыл тайну?

Дуремар был суверен; кроме того, он тоже выпил много вина. Лицо у него посинело и сморщилось от страха, как гриб–сморчок.

Глядя на него, и Карабас Барабас застучал зубами.

– Открой тайну, – опять завыл таинственный голос из глубины кувшина, – иначе не сойдешь с этого стула, несчастный!

Карабас Барабас попытался вскочить, но не мог даже приподняться.

– Как–ка–какую та–та–тайну? – спросил он заикаясь.

Голос ответил:

– Тайну черепахи Тортилы.

От ужаса Дуремар медленно полез под стол. У Карабаса Барабаса отвалилась челюсть.

– Где находится дверь, где находится дверь? – будто ветер в трубе в осеннюю ночь, провыл голос...

– Отвечу, отвечу, замолчи, замолчи! – прошептал Карабас Барабас. – Дверь – у старого Карло в каморке, за нарисованным очагом...

Едва он произнес эти слова, со двора вошел хозяин.

– Вот надежные ребята, за деньги они приведут к вам, синьор, хоть самого черта...

И он указал на стоящих на пороге лису Алису и кота Базилио.

Лиса почтительно сняла старую шляпу:

– Синьор Карабас Барабас подарит нам на бедность десять золотых монет, и мы отдадим вам в руки негодяя Буратино, не сходя с этого места.

Карабас Барабас залез под бороду в жилетный карман, вынул десять золотых.

– Вот деньги, а где Буратино?

Лиса несколько раз пересчитала монеты, вздохнула, отдавая половину коту, и указала лапой:

– Он в этом кувшине, синьор, у вас под носом...

Карабас Барабас схватил со стола кувшин и бешено швырнул его о каменный пол. Из осколков и кучи обглоданных костей выскочил Буратино. Пока все стояли, разинув рты, он, как стрела, кинулся из харчевни на двор – прямо к петуху, который гордо рассматривал то одним глазом, то другим дохлого червячка.

– Это ты меня предал, старый котлетный фарш! – свирепо вытянув нос, сказал ему Буратино. – Ну, теперь лупи что есть духу...

И он плотно вцепился в его генеральский хвост. Петух, ничего не понимая, растопырил крылья и пустился бежать на голенастых ногах.

Буратино – в вихре – за ним, – под гору, через дорогу, по полю, к лесу.

Карабас Барабас, Дуремар и хозяин харчевни опомнились наконец от удивления и выбежали вслед за Буратино. Но сколько они ни оглядывались, его нигде не было видно, только вдалеке по полю лупил что есть духу петух. Но так как всем было известно, что он дурак, то на этого петуха никто не обратил внимания.

Буратино первый раз в жизни приходит в отчаяние,
но все кончается благополучно

Глупый петух умирался, едва бежал, разинув клюв. Буратино отпустил наконец его помятый хвост.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ступай, генерал, к своим курам...

И один пошел туда, где сквозь листву ярко блестело Лебединое озеро.

Вот и сосна на каменистом пригорке, вот и пещера. Вокруг разбросаны наломанные ветки. Трава примята следами колес.

У Буратино отчаянно забилось сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни...

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял, – это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем–то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком, – нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стишки, – Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы увидеть снова друзей.

Около его головы бесшумно поднялся рыхлый бугорок земли, вылез бархатный крот с розовыми ладонями, пискляво чихнул три раза и сказал:

"– Я слеп, но я отлично слышу. Сюда подъезжала тележка, запряженная овцами. В ней сидел Лис, губернатор Города Дураков, и сыщики.

Губернатор приказал:

– Взять негодяев, которые поколотили моих лучших полицейских при исполнении обязанностей! Взять!

Сыщики ответили:

– Тяф!

Бросились в пещеру, и там началась отчаянная возня. Твоих друзей связали, кинули в тележку вместе с узлами и уехали."

Что за польза была лежать, завязив нос в земле! Буратино вскочил и побежал по следам колес. Обогнул озеро, вышел на поле с густой травой. Шел, шел... У него не было никакого плана в голове. Надо спасти товарищей, – вот и все. Дошел до обрыва, откуда позапрошлой ночью сорвался в лопухи. Внизу увидел грязный пруд, где жила черепаха Тортила. По дороге к пруду спускалась тележка; ее тащили две худые, как скелеты, овцы с ободранной шерстью.

На козлах сидел жирный кот, с надутыми щеками, в золотых очках, – он служил при губернаторе тайным нашептывателем в ухо. Позади него – важный Лис, губернатор... На узлах лежали Мальвина, Пьеро и весь забинтованный Артемон, – всегда такой расчесанный хвост его волочился кисточкой по пыли.

Позади тележки шли два сыщика – добермана–пинчера.

Вдруг сыщики подняли собачьи морды и увидели на верху обрыва белый колпачок Буратино.

Сильными прыжками пинчеры начали взбираться по крутому кособору. Но прежде чем они доскакали до верха, Буратино, – а ему уже никуда не скрыться, не убежать, – сложил руки над головой и – ласточкой – с самого крутого места кинулся вниз, в грязный пруд, затянутый зеленой ряской.

Он описал в воздухе кривую и, конечно, угодил бы в пруд под защиту тетки Тортилы, если бы не сильный порыв ветра.

Ветер подхватил легонького деревянного Буратино, закружил, завертел его "двойным штопором", швырнул в сторону, и он, падая, шлепнулся прямо в тележку, на голову губернатора Лиса.

Жирный кот в золотых очках от неожиданности свалился с козел, и так как он был подлец и трус, то притворился, что упал в обморок.

Губернатор Лис, тоже отчаянный трус, с визгом кинулся удирать по кособору и тут же залез в барсучью нору. Там ему пришлось не сладко: барсуки сурово расправляются с такими гостями.

Овцы шарахнулись, тележка опрокинулась, Мальвина, Пьеро и Артемон вместе с узлами покатались в лопухи.

Все это произошло так быстро, что вы, дорогие читатели, не успели бы сосчитать всех пальцев на руке.

Доберманы–пинчеры огромными прыжками кинулись вниз с обрыва. Подскочив к опрокинутой тележке, увидели жирного кота в обмороке.

Увидели в лопухах валяющихся деревянных человечков и забинтованного пуделя. Но нигде не было видно губернатора Лиса. Он исчез, – будто сквозь землю провалился тот, кого сыщики должны охранять, как зеницу ока.

Первый сыщик, подняв морду, издал собачий вопль отчаяния.

Второй сыщик сделал то же самое:

– Ай, ай, ай, ай–у–у–у!..

Они кинулись и обыскали весь кособор. Снова тоскливо взвыли, потому что им уже мерещились плетка и железная решетка.

Униженно вилая задами, они побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым, – так по дороге они придумали в свое оправданье.

Буратино потихоньку ощупал себя, – ноги, руки были целы. Он пополз в лопухи и освободил от веревок Мальвину и Пьеро.

Мальвина, не говоря ни слова, обхватила Буратино за шею, но поцеловать не могла – помешал его длинный нос.

У Пьеро по локоть были оторваны рукава, белая пудра осыпалась со щек, и оказалось, что щеки у него обыкновенные – румяные, несмотря на его любовь к стихам.

– Я здорово дрался, – грубым голосом сказал он. – Кабы мне не дали подножку – нипочем бы меня не взять.

Мальвина подтвердила:

– Он дрался, как лев.

Она обхватила Пьеро за шею и поцеловала в обе щеки.

– Довольно, довольно лизаться, – проворчал Буратино, – бежимте. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили ее по кособору вверх.

– Пустите, я сам пойду, мне так унижительно, – стонал забинтованный пудель.

– Нет, нет, ты слишком слаб.

Но едва они взобрались до половины кособора, наверху показались Карабас Барабас и Дуремар. Лиса Алиса показывала лапой на беглецов, кот Базилио щетинил усы и отвратительно шипел.

– Ха–ха–ха, вот так ловко! – захохотал Карабас Барабас. – Сам золотой ключик идет мне в руки!

Буратино торопливо придумывал, как выпутаться из новой беды. Пьеро прижал к себе Мальвину, намереваясь дорого продать жизнь. На этот раз не было никакой надежды на спасение.

Дуремар хихикал наверху кособора.

– Больную собачку–пуделя, синьор Карабас Барабас, вы мне отдайте, я ее брошу в пруд пиявочкам, чтобы мои пиявочки разжирили...

Толстому Карабасу Барабасу лень было спускаться вниз, он манил беглецов пальцем, похожим на сардельку:

– Идите, идите ко мне, деточки...

– Ни с места! – приказал Буратино. – Погибать – так весело! Пьеро, говори какие–нибудь свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи во всю глотку...

Мальвина, несмотря на некоторые недостатки, была хорошим товарищем. Она вытерла слезы и засмеялась очень обидно для тех, кто стоял на верху кособора.

Пьеро сейчас же сочинил стихи и завыл неприятным голосом:

<i>Лису Алису жалко –
Плачет по ней палка.
Кот Базилио нищий –
Вор, гнусный котище.
Дуремар, наш дурачок, –
Безобразнейший сморчок.
Карабас ты Барабас,
Не боимся очень вас...</i>

В то же время Буратино кривлялся и дразнился:

– Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись к нам, – я тебе наплюю в драную бороду!

В ответ Карабас Барабас страшно зарычал, Дуремар поднял тощие руки к небу.

Лиса Алиса криво усмехнулась:

– Разрешите свернуть шеи этим нахалам?

Еще минута, и все было бы кончено... Вдруг со свистом примчались стрижи:

– Здесь, здесь, здесь!..

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Над головой Карабаса Барабаса пролетела сорока, громко тараторя:

– Скорее, скорее, скорее!..

И на верху косогора появился старый папа Карло. Рукава у него были засучены, в руке – сучковатая палка, брови нахмурены...

Он плечом толкнул Карабаса Барабаса, локтем – Дуремара, дубинкой вытянул по спине лису Алису, сапогом швырнул в сторону кота Базилио...

После этого, нагнувшись и глядя с косогора вниз, где стояли деревянные человечки, сказал радостно:

– Сын мой, Буратино, плутишка, ты жив и здоров, – иди же скорее ко мне!

Буратино наконец возвращается домой вместе с папой Карло, Мальвиной, Пьеро и Артемоном

Неожиданное появление Карло, его дубинка и нахмуренные брови навели ужас на негодеев.

Лиса Алиса уползла в густую траву и там дала стрекача, иногда лишь останавливаясь, чтобы поежиться после удара дубинкой. Кот Базилио, отлетев шагов на десять, шипел от злости, как проткнутая велосипедная шина.

Дуремар подобрал полы зеленого пальто и полез с косогора вниз, повторяя:

– Я ни при чем, я ни при чем...

Но на крутом месте сорвался, покатился и с ужасным шумом и плеском шлепнулся в пруд.

Карабас Барабас остался стоять, где стоял. Он только втянул всю голову до макушки в плечи; борода его висела, как пакля.

Буратино, Пьеро и Мальвина взобрались наверх. Папа Карло брал их поодиночке на руки, грозил пальцем:

– Вот я вас ужо, баловники!

И клал за пазуху.

Потом он спустился на несколько шагов с косогора и присел над несчастной собакой. Верный Артемон поднял морду и лизнул Карло в нос.

Буратино тотчас высунулся из–за пазухи:

– Папа Карло, мы без собаки домой не пойдем.

– Э–хе–хе, – ответил Карло, – тяжеленько будет, ну да уж как–нибудь донесу вашего песика.

Он взвалил Артемона на плечо и, отдуваясь от тяжелого груза, полез наверх, где, все так же втянув голову, выпучив глаза, стоял Карабас Барабас.

– Куклы мои... – проворчал он.

Папа Карло ответил ему сурово:

– Эх, ты! С кем на старости лет связался, – с известными всему свету жуликами, с Дуремаром, с котом, с лисой. Маленьких обижаете!

Стыдно, доктор!

И Карло пошел по дороге в город.

Карабас Барабас со втянутой головой шел за ним следом.

– Куклы мои, отдай!..

– Нипочем не отдавай! – завопил Буратино, высовываясь из–за пазухи.

Так шли, шли. Миновали харчевню "Трех пескарей", где, в дверях кланялся плешистый хозяин, показывая обеими руками на шипящие сковородки.

Около дверей взад и вперед, взад и вперед расхаживал петух с выданным хвостом и возмущенно рассказывал о хулиганском поступке

Буратино. Куры сочувственно поддакивали:

– Ах–ах, какой страх! Ух–ух, наш петух!..

Карло поднялся на холм, откуда было видно море, кое–где покрытое матовыми полосками от веяния ветерка, у берега – старый городок песочного цвета под знойным солнцем и полотняная крыша кукольного театра.

Карабас Барабас, стоя в трех шагах позади Карло, проворчал:

– Я тебе дам за куклу сто золотых монет, продай.

Буратино, Мальвина и Пьеро перестали дышать – ждали, что скажет Карло.

Он ответил:

– Нет! Если бы ты был добрым, хорошим директором театра, я бы тебе, так и быть, отдал маленьких человечков. А ты – хуже всякого крокодила. Не отдам и не продам, убирайся.

Карло спустился с холма и, уже более не обращая внимания на Карабаса Барабаса, вошел в городок.

Там на пустой площади неподвижно стоял полицейский.

От жары и скуки у него повисли усы, веки слиплись, над треугольной шляпой кружились мухи.

Карабас Барабас вдруг засунул бороду в карман, схватил Карло сзади за рубашку и заорал на всю площадь:

– Держите вора, он украл у меня куклы!..

Но полицейский, которому было жарко и скучно, даже и не пошевелился. Карабас Барабас подскочил к нему, требуя арестовать Карло.

– А ты кто такой? – лениво спросил полицейский.

– Я доктор кукольных наук, директор знаменитого театра, кавалер высших орденов, ближайший друг Тарабарского короля, синьор

Карабас Барабас...

– А ты не кричи на меня, – ответил полицейский.

Покуда Карабас Барабас с ним препирался, папа Карло, торопливо стуча палкой по плитам мостовой, подошел к дому, где он жил. Отпер дверь в полутемную каморку под лестницей, снял с плеча Артемона, положил на койку, из–за пазухи вынул Буратино, Мальвину и Пьеро и посадил их рядышком на стол.

Мальвина сейчас же сказала:

– Папа Карло, прежде всего займитесь больной собакой. Мальчики, немедленно мыться...

Вдруг она в отчаянии всплеснула руками:

– А мои платья! Мои новенькие туфельки, мои хорошенькие ленточки остались на дне оврага, в лопухах!..

– Ничего, не горюй, – сказал Карло, – вечером я схожу, принесу твои узлы.

Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы. Оказалось, что раны почти уже зажили и собака не могла пошевелиться только потому, что была голодна.

– Тарелочку овсяной болтушки да косточку с мозгом, – простонал Артемон, – и я готов драться со всеми собаками в городе.

– Ай–ай–ай, – сокрушался Карло, – а у меня дома ни крошки, и в кармане ни сольдо...

Мальвина жалобно всхлипнула. Пьеро тер кулаком лоб, соображая.

– Я пойду на улицу читать стихи, прохожие нададут мне кучу сольдо.

Карло покачал головой:

– И будешь ты ночевать, сынок, за бродяжничество в полицейском отделении.

Все, кроме Буратино, приуныли. Он же хитро улыбался, вертелся так, будто сидел не на столе, а на перевернутой кнопке.

– Ребята, довольно хныкать! – Он соскочил на пол и что–то вытащил из кармана. – Папа Карло, возьми молоток, отдели от стены дырявый холст.

И он задранным носом указал на очаг, и на котелок над очагом, и на дым, нарисованные на куске старого холста.

Карло удивился:

– Зачем, сынок, ты хочешь сдирать со стены такую прекрасную картину? В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая баранья похлебка с чесноком, и мне становится немного теплее.

– Папа Карло, даю честное кукольное слово, – у тебя будет настоящий огонь в очаге, настоящий чугунный котелок и горячая похлебка.

Сдери холст.

Буратино сказал это так уверенно, что папа Карло почесал в затылке, покачал головой, побряхтел, побряхтел, – взял клещи и молоток и начал отдирать холст. За ним, как мы уже знаем, все было затянато паутиной и висели дохлые пауки.

Карло старательно обмел паутину. Тогда стала видна небольшая дверца из потемневшего дуба. На четырех углах на ней были вырезаны смеющиеся рожицы, а посередине – пляшущий человечек с длинным носом.

Когда с него смахнули пыль, Мальвина, Пьеро, папа Карло, даже голодный Артемон воскликнули в один голос:

– Это портрет самого Буратино!

– Я так и думал, – сказал Буратино, хотя он ничего такого не думал и сам удивился. – А вот и ключ от дверцы. Папа Карло, открой...

– Эта дверца и этот золотой ключик, – проговорил Карло, – сделаны очень давно каким–то искусным мастером. Посмотрим, что спрятано за дверцей.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Он вложил ключик в замочную скважину и повернул... Раздалась негромкая, очень приятная музыка, будто заиграл органчик в музыкальном ящике...

Папа Карло толкнул дверцу. Со скрипом она начала открываться.

В это время раздались торопливые шаги за окном, и голос Карабаса Барабаса проревел:

– Именем Тарабарского короля – арестуйте старого плута Карло!

Карабас Барабас врывается в каморку под лестницей

Карабас Барабас, как мы знаем, тщетно старался уговорить сонного полицейского, чтобы он арестовал Карло. Ничего не добившись, Карабас Барабас побежал по улице.

Развевающаяся борода его цеплялась за пуговицы и зонтики прохожих.

Он толкался и лязгал зубами. Вслед ему пронзительно свистели мальчишки, запускали в спину ему гнилыми яблоками.

Карабас Барабас вбежал к начальнику города. В этот жаркий час начальник сидел в саду, около фонтана, в одних трусиках и пил лимонад.

У начальника было шесть подбородков, нос его утонул в розовых щеках. За спиной его, под липой, четверо мрачных полицейских то и дело откупоривали бутылки с лимонадом.

Карабас Барабас бросился перед начальником на колени и, бородой размазывая слезы по лицу, завопил:

– Я несчастный сирота, меня обидели, обокрали, избили...

– Кто тебя, сироту, обидел? – отдуваясь, спросил начальник.

– Злейший враг, старый шарманщик Карло. Он украл у меня три самые лучшие куклы, он хочет сжечь мой знаменитый театр, он подожжет и ограбит весь город, если его сейчас же не арестовать.

В подкрепление своих слов Карабас Барабас вытащил горсть золотых монет и положил в туфлю начальника.

Короче говоря, он такое наплел и наврал, что испуганный начальник приказал четырем полицейским под липой:

– Идите за почтенным сиротой и сделайте все нужное именем закона.

Карабас Барабас побежал с четырьмя полицейскими к каморке Карло и крикнул:

– Именем Тарабарского короля – арестуйте вора и негодяя!

Но двери были закрыты. В каморке никто не отозвался. Карабас Барабас приказал:

– Именем Тарабарского короля – ломайте дверь!

Полицейские нажали, гнилые половинки дверей сорвались с петель, и четыре бравых полицейских, гремя саблями, с грохотом свалились в каморку под лестницей.

Это было в ту самую минуту, когда в потайную дверцу в стене, нагнувшись, уходил Карло.

Он скрылся последним. Дверца – дзынь!.. – захлопнулась.

Тихая музыка перестала играть. В каморке под лестницей валялись только грязные бинты и рваный холст с нарисованным очагом...

Карабас Барабас подскочил к потайной дверце, заколотил в нее кулаками и каблуками:

– Тра-та-та-та!

Но дверца была прочна.

Карабас Барабас разбежался и ударил в дверцу задом. Дверца не подалась. Он затопал на полицейских:

– Ломайте проклятую дверь именем Тарабарского короля!..

Полицейские ощупывали друг у друга – кто нашлапку на носу, кто шишку на голове.

– Нет, здесь работа очень тяжелая, – ответили они и пошли к начальнику города сказать, что ими все сделано по закону, но старому шарманщику, видимо, помогает сам дьявол, потому что он ушел сквозь стену.

Карабас Барабас рванул себя за бороду, повалился на пол и начал реветь, выть и кататься, как бешеный, по пустой каморке под лестницей.

Что они нашли за потайной дверью

Пока Карабас Барабас катался, как бешеный, и рвал на себе бороду, Буратино впереди, а за ним Мальвина, Пьеро, Артемон и – последним – папа Карло спускались по крутой каменной лестнице в подzemелье.

Папа Карло держал огарок свечи. Ее колеблющийся огонек отбрасывал от Артемоновой лохматой головы или от протянутой руки Пьеро

большие тени, но не мог осветить темноты, куда спускалась лестница.

Мальвина, чтобы не зареветь от страха, щипала себя за уши.

Пьеро, – как всегда, ни к селу ни к городу, – бормотал стишки:

<i>Пляшут тени на стене, –

Ничего не страшно мне.

Лестница пускай крута,

Пусть опасна темнота, –

Все равно подземный путь

Приведет куда–нибудь...</i>

Буратино опередил товарищей, – его белый колпачок едва был виден глубоко внизу.

Вдруг там что–то зашипело, упало, покатилося, и донесся его жалобный голос:

– Ко мне, на помощь!

Мгновенно Артемон, забыв раны и голод, опрокинул Мальвину и Пьеро, черным вихрем кинулся вниз по ступенькам. Лязгнули его зубы.

Гнусно взвизгнуло какое–то существо. Все затихло. Только у Мальвины громко, как в будильнике, стучало сердце.

Широкий луч света снизу ударил по лестнице. Огонек свечи, которую держал папа Карло, стал желтым.

– Смотрите, смотрите скорее! – громко позвал Буратино.

Мальвина задом наперед торопливо начала слезать со ступеньки на ступеньку, за ней запрыгал Пьеро. Последним, нагнувшись, сходил

Карло, то и дело теряя деревянные башмаки.

Внизу, там, где кончалась крутая лестница, на каменной площадке сидел Артемон. Он облизывался. У его ног валялась задушенная крыса Шушара.

Буратино обеими руками приподнимал истлевший войлок, – им было занавешено отверстие в каменной стене. Оттуда лился голубой свет.

Первое, что они увидели, когда пролезли в отверстие, – это расходящиеся лучи солнца. Они падали со сводчатого потолка сквозь круглое окно.

Широкие лучи с танцующими в них пылинками освещали круглую комнату из желтоватого мрамора. Посреди нее стоял чудной красоты кукольный театр. На занавесе его блестел золотой зигзаг молнии.

С боков занавеса поднимались две квадратные башни, раскрашенные так, будто они были сложены из маленьких кирпичиков. Высокие крыши из зеленой жести ярко блестели.

На левой башне были часы с бронзовыми стрелками. На циферблате против каждой цифры нарисованы смеющиеся рожицы мальчика и девочки.

На правой башне – круглое окошко из разноцветных стекол.

Над этим окошком, на крыше из зеленой жести, сидел Говорящий Сверчок. Когда все, разинув рты, остановились перед чудным театром, сверчок проговорил медленно и ясно:

– Я предупреждал, что тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения, Буратино. Хорошо, что все кончилось благополучно, а могло кончиться и неблагополучно... Так–то...

Голос у сверчка был старый и слегка обиженный, потому что Говорящему Сверчку в свое время все же попало по голове молотком и, несмотря на столетний возраст и природную доброту, он не мог забыть незаслуженной обиды. Поэтому он больше ничего не прибавил, – дернул усиками, точно смахивая с них пыль, и медленно уполз куда–то в одинокую щель – подальше от суеты.

Тогда папа Карло проговорил:

– А я–то думал – мы тут, по крайней мере, найдем кучу золота и серебра, – а нашли всего–навсего старую игрушку.

Он подошел к часам, вделанным в башенку, постучал ногтем по циферблату, и так как сбоку часов на медном гвоздике висел ключик, он взял его и завел часы...

Раздалось громкое тиканье. Стрелки двинулись. Большая стрелка подошла к двенадцати, маленькая – к шести. Внутри башни загудело и зашипело. Часы звонко пробили шесть...

Тотчас на правой башне раскрылось окошко из разноцветных стекол, выскочила заводная пестрая птица и, затрепетав крыльями, пропела

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

шесть раз:

– К нам – к нам, к нам – к нам, к нам – к нам...

Птица скрылась, окошко захлопнулось, заиграла шарманочная музыка. И занавес поднялся...

Никто, даже папа Карло, никогда не видывал такой красивой декорации.

На сцене был сад. На маленьких деревьях с золотыми и серебряными листьями пели заводные скворцы величиной с ноготь.

На одном дереве висели яблоки, каждое из них не больше гречишного зерна. Под деревьями прохаживались павлины и, приподнимаясь на цыпочках, клевали яблоки. На лужайке прыгали и бодались два козленка, а в воздухе летали бабочки, едва заметные глазу.

Так прошла минута. Скворцы замолкли, павлины и козлята попяtilись за боковые кулисы. Деревья провалились в потайные люки под пол сцены.

На задней декорации начали расходиться тюлевые облака. Показалось красное солнце над песчаной пустыней. Справа и слева, из боковых кулис, выкинулись ветки лиан, похожие на змей, – на одной действительно висела змея–удав. На другой раскачивалось, схватившись хвостами, семейство обезьян.

Это была Африка.

По песку пустыни под красным солнцем проходили звери.

В три скачка промчался гривастый лев, – хотя был он не больше котенка, но страшен.

Переваливаясь, проковылял на задних лапах плюшевый медведь с зонтиком.

Прополз отвратительный крокодил, – его маленькие дрянные глазки притворялись добренькими. Но все же Артемон не поверил и зарычал на него.

Проскакал носорог, – для безопасности на его острый рог был надет резиновый мячик.

Пробежал жираф, похожий на полосатого, рогатого верблюда, изо всей силы вытянувшего шею.

Потом шел слон, друг детей, – умный, добродушный, – помахивал хоботом, в котором держал соевую конфету.

Последней протрусила бочком страшно грязная дикая собака–шакал. Артемон с лаем кинулся на нее, – папе Карло с трудом удалось оттащить его за хвост от сцены.

Звери прошли. Солнце вдруг погасло. В темноте какие–то вещи опустились сверху, какие–то вещи надвинулись с боков. Раздался звук, будто провели смычком по струнам.

Вспыхнули матовые уличные фонарики. На сцене была городская площадь. Двери в домах раскрылись, выбежали маленькие человечки, полезли в игрушечный трамвай. Кондуктор зазвонил, вагоновожатый завертел ручку, мальчишка живо прицепился к колбасе, милиционер засвистел, – трамвай укатился в боковую улицу между высокими домами.

Проехал велосипедист на колесах – не больше блюдечка для варенья. Пробежал газетчик, – вчетверо сложенные листки отрывного календаря – вот какой величины были у него газеты.

Мороженщик прокатил через площадку тележку с мороженым. На балкончики домов выбежали девочки и замахали ему, а мороженщик развел руками и сказал:

– Все съели, приходите в другой раз.

Тут занавес упал, и на нем опять заблестел золотой зигзаг молнии.

Папа Карло, Мальвина, Пьеро не могли опомниться от восхищенья. Буратино, засунув руки в карманы, задрав нос, сказал хвастливо:

– Что – видели? Значит, не даром я мокнул в болоте у тетки Тортилы... В этом театре мы поставим комедию – знаете, какую? "Золотой ключик, или Необыкновенные приключения Буратино и его друзей". Карабас Барабас лопнет с досады.

Пьеро потер кулаками наморщенный лоб:

– Я напишу эту комедию роскошными стихами.

– Я буду продавать мороженое и билеты, – сказала Мальвина. – Если вы найдете у меня талант, попробую играть роли хорошеньких девочек...

– Постойте, ребята, а учиться когда же? – спросил папа Карло.

Все враз ответили:

– Учиться будем утром... А вечером играть в театре...

– Ну, то–то, деточки, – сказал папа Карло, – а уж я, деточки, буду играть на шарманке для увеселения почтенной публики, а если станем разъезжать по Италии из города в город, буду править лошадьё да варить баранью похлебку с чесноком...

Артемон слушал, задрав ухо, вертел головой, глядел блестящими глазами на друзей, спрашивал: а ему что делать?

Буратино сказал:

– Артемон будет заведовать бутафорией и театральными костюмами, ему дадим ключи от кладовой. Во время представления он может изображать за кулисами рычание льва, топот носорога, скрип крокодиловых зубов, вой ветра – посредством быстрого верчения хвоста и другие необходимые звуки.

– Ну а ты, ну а ты, Буратино? – спрашивали все. – Кем хочешь быть при театре?

– Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!

Новый кукольный театр дает первое представление

Карабас Барабас сидел перед очагом в отвратительном настроении. Сырые дрова едва тлели. На улице лил дождь. Дырявая крыша кукольного театра протекала. У кукол отсырели руки и ноги, на репетициях никто не хотел работать, даже под угрозой плетки в семь хвостов. Куклы уже третий день ничего не ели и зловеще перешептывались в кладовой, вися на гвоздях.

С утра не было продано ни одного билета в театр. Да и кто пошел бы посмотреть у Карабаса Барабаса скучные пьесы и голодных, оборванных актеров!

На городской башне часы пробили шесть. Карабас Барабас мрачно побрел в зрительный зал, – пусто.

– Черт бы побрал всех почтеннейших зрителей, – проворчал он и вышел на улицу.

Выйдя, взглянул, моргнул и разинул рот так, что туда без труда могла бы влететь ворона.

Напротив его театра перед большой новой полотняной палаткой стояла толпа, не обращая внимания на сырой ветер с моря.

Над входом в палатку на помосте стоял длинноносый человечек в колпачке, трубил в хрипучую трубу и что–то кричал.

Публика смеялась, хлопала в ладоши, и многие заходили внутрь палатки.

К Карабасу Барабасу подошел Дуремар; от него, как никогда, пахло тиной.

– Э–хе–хе, – сказал он, собирая все лицо в кислые морщины, – никуда дела с лечебными пиявками. Вот хочу пойти к ним, – Дуремар указал на новую палатку, – хочу попроситься у них свечи зажигать или мести пол.

– Чей этот проклятый театр? Откуда он взялся? – прорычал Карабас Барабас.

– Это сами куклы открыли кукольный театр "Молния", они сами пишут пьесы в стихах, сами играют.

Карабас Барабас заскрипел зубами, рванул себя за бороду и зашагал к новой полотняной палатке. Над входом в нее Буратино выкрикивал:

– Первое представление занимательной, увлекательной комедии из жизни деревянных человечков. Истинное происшествие о том, как мы победили всех своих врагов при помощи остроумия, смелости и присутствия духа...

У входа в кукольный театр в стеклянной будочке сидела Мальвина с красивым бантом в голубых волосах и не поспевала раздавать билеты желающим посмотреть веселую комедию из кукольной жизни.

Папа Карло в новой бархатной куртке вертел шарманку и весело подмигивал почтеннейшей публике.

Артемон тащил за хвост из палатки лису Алису, которая прошла без билета. Кот Базилио, тоже безбилетный, успел удрать и сидел под дождем на дереве, глядя вниз злыми глазами.

Буратино, надув щеки, затрубил в хрипучую трубу:

– Представление начинается.

И сбежал по лесенке, чтобы играть первую сцену комедии, в которой изображалось, как бедный папа Карло выстрегивает из полена деревянного человечка, не предполагая, что это принесет ему счастье.

Последней приползла в театр черепаха Тортила, держа во рту почетный билет на пергаментной бумаге с золотыми уголками.

Представление началось. Карабас Барабас мрачно вернулся в свой пустой театр. Взял плетку в семь хвостов. Отпер дверь в кладовую.

– Я вас, паршивцы, отучу лениться! – свирепо зарычал он.

– Я вас научу заманивать ко мне публику!

Он щелкнул плеткой. Но никто не ответил. Кладовая была пуста. Только на гвоздях висели обрывки веревочек.

Все куклы – и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в остроконечных шапках со звездами, и горбуны с носами как огурец, и арапы, и собачки, – все, все, все куклы удрали от Карабаса Барабаса.

Со страшным воем он выскочил из театра на улицу. Он увидел, как последние из его актеров удирали через лужи в новый театр, где весело

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

играла музыка, раздавался хохот, хлопание в ладоши.

Карабас Барабас успел только схватить бумазейную собачку с пуговицами вместо глаз. Но на него, откуда ни возьмись, налетел Артемон, повалил, выхватил собачку и умчался с ней в палатку, где за кулисами для голодных актеров была приготовлена горячая баранья похлебка с чесноком.

Карабас Барабас так и остался сидеть в луже под дождем.